

**СВЯТОСТЬ КАК ЭЛИТНОСТЬ
(НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО)**

Карбущенко Павел Леонидович, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

История христианства знает наперсчик имена людей, явивших миру примеры высочайшей святости и просиявшие во тьме веков как ориентиры для других, вступивших на мистический путь совершенствования своего духа. Длительное время элитология не занималась мистической избранностью, полагая, что это дело теологии. Но ныне элитологические исследования пришли и в эту область феноменологии элиты и элитности, для того, чтобы наши знания реально приобрели комплексный характер, а не были ограничены сферой социокультурных отношений. Святость как элитность наглядно видна в духовном подвиге преподобного Сергия Радонежского, ставшего для православного иночества главным ориентиром в стяжении ими духовной избранности.

Ключевые слова: агиография, элитология, аксиология, персонализм, элита, элитность, личность, святость, грех, иерархия, творчество, духовность, иночество

**SANCTITY AS ELITISM
(ON THE EXAMPLE OF SERGEY RADONEZHISKY LIFE)**

Karabushchenko Pavel L., D.Sc. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

The history of Christianity knows on recalculation the names of those people who showed the examples of the highest sanctity and lit up in darkness as reference points for others which took a mystical way of improvement of the spirit. For a long time elitology didn't deal with a problem of a mystical selectness, considered that this business belonged to theology. But nowadays elitology researches came to this area of elite phenomenology and elitism in order that our knowledge acquired complex character, and weren't limited to the sphere of sociocultural relations. The sanctity as elitism is visible in a spiritual feat of the Reverend Sergey Radonezhsky who became the main reference point in achievement a spiritual selectness for an orthodox monkhood.

Keywords: hagiography, elitology, axiology, personalism, elite, elitism, personality, sanctity, sin, hierarchy, creativity, spirituality, monkhood

История элиты и ее элитности является одной из самых увлекательных тем для современной науки. Человеческий разум изначально тянется к познанию всего величественного, тайного и необычного. И хотя современная элитология редко когда обращается к теме святости [3], тема эта является для нее центральной, если даже больше – наиглавнейшей. О том, что представляют собой наивысшие пределы духовного совершенства, современная наука имеет весьма приблизительные представления. Современная элитология только приступает к исследованиям религиозной святости и только начинает использовать термина и методы, соответствующие этому феномену. И личность преподобного игумена земли Русской Сергия Радонежского позволяет нам отчасти приподнять завесу над этой мировой тайной нашего духа.

Сергий для Руси все равно, что Волга для России. Его духовное влияние столь велико, что вокруг имени Преподобного начали со временем возникать историко-политические мифологемы, не всегда адекватные его историческому лику и часто спекулятивные по своему характеру. Целью настоящей работы является попытка ра-

зобратся в агиографической биографии преподобного с точки зрения элитологии и выяснить особенности феномена святости в этом частном случае ее проявления.

Агиография как биография. Агиография есть биография духа святого, но не биография его земной жизни, как это принято у нас сегодня понимать. Некоторые моменты биографии святого могут быть объяснены с точки зрения исторического рационализма, некоторые имеют только мистическую трактовку. Но в любом случае перед нами пример духовной святости, выход человеческого духа далеко за пределы своего естества в мир ангельских энергий. Агиография есть тот вид первоисточников, через которые нам раскрывается сущность религиозной святости (мистической элитности духа). О содержащихся в «Житии» и «Похвальном слове» Сергия противоречиях писал в свое время еще В.О. Ключевский, указывая на поздние редакции текста. [7, с. 94–95] Ясно, что данные тексты создавались не сразу, а по личным воспоминаниям многих очевидцев жизни Сергия. Автор его «Жития» Елифанний признается, что опрашивал многих старцев лично знавших Сергия, поэтому гарантирует нам достоверность своего рассказа [13, с. 10–11].

Преподобный *Сергий Радонежский* (в миру: *Варфоломей Кириллович Иванчин*) (03.05.1314 или 1319, Ростов Великий – 25.09.1392, Радонеж в 54 верстах от Москвы) родился в простой аристократической семье ростовского боярина Кирилла, служившего князьям Константину Борисовичу (1294–1307) и Константину Васильевичу (1320–1365). По данным Никона Радонежского, это произошло 3 мая 1319 г. В пользу этой майской датировки говорит тот факт, что младенец был крещен именем Варфоломей, праздник которого приходится на 24 июня (по н.ст.), т.е. на 40-й день после дня рождения. [10, с. 13, 23] В официальной историографии готом рождения Сергия принято считать 1314-й.

Сергий жил в эпоху удельности Руси и иноплеменного диктата. «Многие удельные княжества враждовали друг с другом, не могли найти общий язык, не могли согласиться иногда в мелочах, а в результате теряли способность сопротивляться внешнему врагу и, как мы знаем, погубили, в каком-то смысле, Россию, загнав ее в 250-летнее владычество иноземных сил» [4]. Междоусобица и «нелюбовь» среди князей-родственников есть нормальное состояние феодальной раздробленности, когда каждый «удел» отвечал сам за себя и был вполне самостоятельной политико-экономической единицей и вполне самостоятельным субъектом международных отношений. Только сторонник унитарной централизации может утверждать, что это плохо. Сторонники федерализма напротив, могут усмотреть в этом самостоятельность (а значит и ответственность) отдельно взятой территории. Кто из них прав - другой вопрос.

Трудно быть совестью своей нации, особенно в те времена, когда она в массе своей безнравственна.

Военно-политическое порабощение делало русских князей того времени заложниками политической ситуации. Политика была в то время делом несвободным и будущий Сергий избрал своим уделом тот предел русской жизни, где Золотая Орда не властвовала - вера, церковь. Он избрал свободу духа. Тот небольшой тогда уголок русской души, где ордынцы были невластны над русским человеком.

Он ничего не хотел от этого мира, зато сам мир очень многое хотел от него. Тогда был явный спрос на святость, была потребность в таком святом. И он явился, и он стал столпом веры для Святой Руси. Он заменил золотоордынское иго на иго монашеское и это последнее оказалось спасением для растерзанной Руси. И мир потянулся к нему, как тянется железная стружка к магниту.

Сергий есть синоним Святой Руси и что святость Руси без таких как он, Сергий? Если в труде Нестора было заложено начало идеи формирования «Святой Рус», то в Житии Сергия Радонежского показана уже практическая воплощение этой идеи. От рождения идеи и до ее «материализации» прошло около 250 лет.

Святая Русь есть не просто идея святости всего народа и его государства, но и идея духовной избранности и морального превосходства над всем остальным миром. В этой связи уместно вспомнить доктрину «Поднебесной» Конфуция, согласно которой, Китай – единственное цивилизованное государство, живущее по законам Неба и окруженное со всех сторон враждебными варварскими народами. Примерно в таком же контексте оказывается и «Святая Русь» – она со всех сторон окружена инородными странами: «коварной Византией» на Юге, хитроумной Европой на Западе, агрессивной «Дикой степью» на Востоке и студеным (тоже враждебным) ледовитым океаном на Севере. «Если не злой умысел иноземного правителя, то стихия природы» являлись всегда источником бед для Руси. Сама же она изнутри всегда согревалась и умиротворялась дивным светом православной веры. Такая идеализация исходила в наши умы из наших монастырей.

С элитологической точки зрения, тайна Сергия – это Тайна его Элитности, хранящая им и его временем. Постороннему проникнуть в неё невозможно, ибо для этого нам самим нужно будет стать Сергием, и значит быть святым. В жизни он максимально приблизился к идеалам Евангелия. Его жизнь это и есть ожившее Евангелие. Вся его жизнь есть интимное бытие наедине с Богом. А такая жизнь есть жизнь во свободе от греха созидающего духа; это состояния по ту сторону греха, там, где его уже нет. Вся жизнь его – это нескончаемый труд. И соборность Руси вышла из его монастырского общежития. Это единство станет прообразом будущего единства Руси, постепенно начавшей становиться на глазах Россией.

Внутренний мир Сергия восстанавливается нами по следам его внешней биографии. Сам Сергей ничего не пиал. За него это делал Епифаний, за что и получил прозвище «Премудрый». Житие святого представляет собой отпечаток его святости на грешной земле. Но если отпечатки доисторических гигантов имеют материальное воплощение, отпечаток святости всегда имеет духовную сущность, ибо исходит от Духа Святого.

Святость как абсолютная личность. Согласно Платону, душа есть самое совершеннейшее из всего рожденного на свете (*Тимей, 36е-37а*). И в силу этого она естественным образом стремится к совершенству, дабы усовершенствовать свою природу. Само проникновение в этот мир истинных идей (которое описал первый афинский академик) уже является уникальным событием человеческого бытия.

Чаще всего святость понимается как совершенство достигнутое человеком на пути своего духовного восхождения к Абсолюту. Святые – это избранники Божии, сумевшие реализовать Его великий замысел об абсолютной (т.е. святой) жизни. Святость – это такое состояние духа, которое имеет минимальное количество зла и то лишь в отношении к самому злу. И здесь на первом месте выступает мораль, как главное оружие в борьбе с грехом. Мораль есть средство достижения святости. И когда появляется святость, мораль исполняет свой людской долг, мораль исчезает из-за ее ненадобности. Святым мораль уже не нужна, потому что они находятся на более высоком, чем она пределе духовного развития. Мораль оберегает нас от дурного (как писал апостол Павел: «худые сообщества развращают добрые нравы» (*1Кор. 15:33*)). Мораль – это человеческое качество, существующее между раем и адом. Раю оно лишнее, потому что святость есть абсолютно реализованная мораль, аду – оно не нужно, по причине ее местной вредности. Самое страшное для ада – это наша мораль.

Но святость базируется не только на строгости догматических канонов и моральной чистоте. В основе ее лежит творчество, а точнее уподобление личности Творцу, когда она становится его помощницей в деле искоренения греха. Творчество – лучшее средство от депрессии и психоанализа. В творческом процессе человек обретает полноту своего бытия. Он становится подлинным, а не мнимым человеком. Только в творчестве человек реализует себя как личность, и только наличие самодостаточной личности является достойным оправданием его земной жизни.

Известно, что человек - это существо всегда стоящее перед выбором добра и зла. Свой выбор Варфоломей совершил еще в детстве, когда у него произошла судьбоносная встреча с безмянным иноком. Эта встреча - первое рационально понимаемое нами чудо. Поэтому его путь в святость начался задолго до того, как он стал Сергием, т.е. принял монашеский обед (1337 г.).

В кратком пересказе эта история выглядит весьма прозаично и буднично. Однажды Варфоломей отправился в лес за убежавшей лошастью и повстречал там некоего инока, как считает ученик и биограф Сергия Епифаний Премудрый (ум. ок. 1420), автор его Жития, который «скорее посланного Богом ангела в иноческом образе: он стоял среди леса и творил молитву» [6, с. 283]. Старец благословил отрока, и обещал помочь ему в его просьбе осилить грамоту, которая ему с трудом давалась. И это было чудом, когда неуч вдруг начал читать, т.е. обрел свой самостоятельный путь в мире знаний. Его ум отворился «к уразумению Писания» (*Лука, 24:45*). И вокруг этого его свободно чтения собрались люди, а сам он стал «избранной обителью Святого Духа и служителем Пресвятой Троицы» [6, с. 284]. С этой встречи все в жизни Варфоломея изменилось - он увидел главный идеал своей жизни и стал к нему стремиться.

Но у этой истории помимо мистической (встречи с ангелом) и обыденной (встречи с обычным монахом, а монах это и есть ангельский чин на земле) версии имеется еще и аллегорическая. Встреча будущего Сергия с загадочным иноком была встречей его с самим собой. Время начала его жизни соединилось на краткий мир с временем ее конца. Отрок Варфоломей увидел свое будущее, а старец Сергий вернулся в свое прошлое. Оба они узрели свою единую сущность. Возможности нашего сознания неведомы, а потому и не имеют научных пределов. Предвидеть свое будущее и вспомнить себя в прошлом могло быть одномоментным актом, взаимным прорывом будущего и прошлого.

Святость появляется не сразу, и не вдруг. Она нарастает постепенно, но системно. Личность святого является для верующего абсолютной ценностью. И вслед за личным подвигом идет слава о совершенном подвиге и возникает притяжение, желание прикоснуться к этой элитности [3, с. 287, 294]. Сергию удалось не только превратить свою индивидуальность в полноценную личность, но и превратить затем уже саму личность в состояния лика. Лик – это абсолютная личность, совершеннейшее состояния природы человека. Лик есть только у святых. У грешников – личина. Именно личиной прикрывались бесы, искушавшие святого. Личины пытаются затереть лик, сделать его неузнаваемым, себе подобным.

Святость как сверхъестественная избранность: эпитологическая формула Эпифания Премудрого. Согласно законам современной физики мы живем в четырехмерном измерении. Святость – это нечто, что находится за пределами нашего мира, и существует в ином измерении, чем мы. Это измерение лишено состояние греха. Грех снижает уровень совершенства, упрощая его. Святость напротив, возводит нас в иное более совершенное, а потому и более лучшее измерение, чем то, в котором мы пребываем. Святость не от мира сего. Грех есть базовая характеристика нашего мира. Святой – это та точка на Земле, где имеет место Божие посещение. Согласно религиозному мировоззрению, после грехопадения человечество погрузилось в греховное состояние, спасением от которого стало поиск им утерянной нашими прародителями святости.

Святость является атрибутом религиозной элитности. С этим феноменом сталкиваются все религии мира. Святость не от мира сего. Она видна не с первого взгляда, но до последнего взгляда и вздоха она притягивает к себе всеобщее внимание. Святость это восстановление догреховного состояния; это исключение из жизни насилия и неразумности. С этим состоянием связано второе чудо из агиографической биографии Сергия, которое поддается нашей рациональной расшифровки – чудо с приручением медведя [6, с. 287].

Дикий зверь стал ручным и кротким, словно часть свойств самого Сергия перешла на него. Мы не знаем насколько изменилась естественная природа самого этого зверя, но раз его тянуло к преподобному, значит он уже был необычным обитателем лесной чащи. Но «царь русских лесов» стал не просто ручным. Он свободно жил со святым - зверь и ангел нашли общее в быту. Для внешнего наблюдателя это было просто в диковинку, это было просто чудо. Для Сергия это был первый признак адамово догреховного состояния - место его обитание стало точкой восстановленного земного рая. В его душе ожило забытое бесчисленным поколением его предков состояние рая.

О религиозной элитности самого Сергия говорит его биограф Епифаний, называя его Луной среди звезд. Но тут же акцентирует наше внимание на простоту и скромность преподобного, который всю жизнь хотел быть простым (рядовым) иноком и по мере сил отказывался от начальствующего поста (он не хотел даже быть игуменом своего же основанного монастыря) [6, с. 289]. В тексте Епифания постоянно речь идет о том, что *лучше сделать для того, чтобы достичь спасение*. Стремление к лучшему и есть интуитивно понятая элитность. Поиск лучшего есть поиск элитологического основания жизни.

Епифаний утверждает, что Сергий был первым иноком, постриженным в построенной им же самим церкви: *«Первый в начинании, но высший мудростью; первый числом, но высший трудами. Я скажу, что он был и первый, и высший; ведь многие в той церкви постригались, но ни один из них не смог достичь его совершенства; многие так начинали, но не все так окончили свое дело; многие потом в том месте - и при жизни Сергия, и после него - были иноками, поистине все они славными были, но не все могут сравниться с ним. Это был в том месте первый иннок, он положил начало подвигам; всем другим монахам, живущим здесь, он примером был»* [13, с. 34].

В своей оценке личности Сергия Епифаний опирается на элитологический принцип соотношения «первого и высшего»: численного (т.е. количественного) и сущностного (т.е. качественного). Не всё первое по должности (должному) может быть высшим по качеству. Из приведенного текста действие этой формулы наглядно видно: многие желали быть как Сергий, но не все дошли до абсолютной величины его святости. Лишь у него первое и высшее абсолютно совпало.

«Бесовские литовские шапки». Еще одним странным местом в биографии Сергия, нуждающимся в герменевтическом толковании, является история, приключившаяся у него с бесовскими литовскими шапками.

Житие содержит сведения о борьбе преподобного с бесами, которые окружали его в глухом лесу («пустыне»). Но он обуздал свое воображение и поборол страх, вызванный различными бесовскими явлениями [9, с. 91]. Современный человек, по видимому, в меньшей степени страдает от козней дьявола, потому что вооружен научным методом объяснения окружающего его мира. Но во времена Сергия густой лес был полон невиданных страхов, а потому и крайне враждебной к этике свободного духа. Вот что пишет об этой истории Епифаний: *«Однажды преподобный Сергий ночью вошел в церковь, собираясь петь заутреню. И когда он начал пение, внезапно стена церкви расступилась, и вот воочию сам дьявол со множеством воинов бесовских появился, - вошел он не дверьми, но как вор и разбойник. А предстали бесы перед святым так: были они в одеждах и шапках литовских островерхих; и устремились они на блаженного, желая разорить церковь и сравнять то место с землей. А на блаженного они зубами скрежетали, желая убить его, и так говорили ему: «Беги, исчезни отсюда и более не живи здесь, на месте этом: не мы напали на тебя, но, скорее, ты напал на нас. Если же ты не убежишь отсюда, то мы растерзаем тебя; и ты умрешь в руках наших, и не быть тебе живым». Привычка есть у дьявола и его гордости: когда начнет он перед кем-нибудь похваляться или угрожать, тогда хочет и землю уничтожить, и море высушить, а сам не имеет власти даже над свиньями»* [13, с. 37–38].

Как нам расшифровать этот эпизод в жизни Преподобного. Первая загадка: почему бесы вломились к нему в церковь, снеся для этого стену? Объяснить её можно, если вспомнить, что в языческих обрядах славян покойника выносили через разобранную стену в доме, чтобы его дух не мог вернуться обратно. Поэтому в этой информации явно содержится намек на язычников – они же служитель дьявола. Вопрос, откуда могли взяться язычники в ближайшем Подмосковье? Во времена Сергия языческий мир был еще селен и жил в народных поверьях и преданиях. Но маловероятно, чтобы русские язычники могли просто так напасть на отшельника. Ответ на этот вопрос кроется в «бесовских литовских шапках». Речь явно идет об одном из набегов литовцев на Русь. Дату этого конкретного набега установить трудно. Но очевидно, что данный эпизод служился уже после того, как Сергей принял монашество (1337 г.). В 1330–1350-е гг. великими князьями Великого княжества Литовского были Гедимин (1316–1341), Явнут (1341–1345), Ольгерд (1345–1377) [2, с. 78–82]. Кто-то из них вполне мог стать незванным гостем Сергия и побывать с «недружеским визитом» в его пустыне. Всё равно более точную дату мы никогда не установим.

Рационалистическая реконструкция данного события могло быть следующим. В лес к Сергию нагрянул отряд литовцев, которые в те времена совершали частые набеги на Русь (литовцы тогда ещё оставались язычниками). Отшельник укрылся в своей церквушки и, судя по всему, там в ней и забаррикадировался. Не имея возможность взломать дверь, литовцы сделали пролом в стене. Дальше между хозяином и гостями произошла известная нам беседа. Не забудем, что рядом с Сергием находился его друг медведь, который тоже принял участие в этом событии. Все это произвело на «бесов в литовских шапках» сильное впечатление и многие (мы все-таки можем на это надеяться) находясь под впечатлением от этой встречи, перешли в православие. Известно, что литовские князья Ягайло (1377–1393) и Витовт (1393–1430) до принятия католицизма были крещены в православной вере [14, с. 76–77, 85–86].

Грех и святость Древней Руси. Принято считать, что основателем русского государства является какой-то заморский Рюрик, какие-то пришлые варяги. По нашему мнению, государство основывает не столько политическая элита и ее лидеры, сколько культурная элита, которая своим творчеством свидетельствует о высоте национальной культуры. Политика без культуры – историческая авантюра. В такой политике не проявляется дух нации. С этой точки зрения А.С. Пушкин и Ф.М. Достоевский сделали для России больше, чем все вместе взятые ее великие князья и цари. И кто сказал, что над созданием современной России трудились Иван Грозный и Пётр Великий? А хан Батый со всей своей Золотой ордой – это разве не Россия?

Насколько велики были трудности в диалектике развития государства в России видно хотя бы на примере поиска отечественной интеллектуальной элитой т.н. «русской идеи». Национальная идея была самым уязвимым местом в развитии российского государства, поскольку правящая элита была способна в лучшем случае предложить для России некую идею своего времени, но не всех времен. Над разрешением формулы «русской национальной идеи» ломали себе голову самые выдающиеся умы России, в числе которых были В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и др. Но ближе всех подошел к её пониманию Ф.М. Достоевский, подошел через пережитое им страдание.

В массовом сознании россиян выделяется два типа исторических элит: 1) «элита рогов» (правители: земные князья и цари) и 2) «элита нимбов» (святые и гении земли Русской). К первой отношение чаще всего критическое и даже негативное; ко вторым, напротив, чаще всего позитивное, можно даже сказать любовное. И, правда, Сергия Радонежского или Александра Сергеевича (фамилию его специально не будем называть) народ любит и уважает куда больше, чем царей и правителей, особенно, таких как Иван Грозный или Никита Хрущев. А все почему? А все потому, что первые объединяют и совершенствуют национальный дух, стирая существующие на фронтире барьеры отчуждения, тогда как последние напротив, усугубляют культур-

но-исторический разрыв народа и власти, внося раздор и конфликты в оценки их деятельности даже среди научного сообщества.

Вся история России есть история борьба «рогов» и «нимбов» за право быть элитой. В процентном соотношении на страницах учебников по истории преобладает первый тип «элиты». Второй тип всегда почему-то оказывается за скобками исторического рассказа. И это есть родовый грех современной исторической науки - больше интересоваться греховным, чем святым. А святость на Руси это особая история, и куда более важнейший пример для будущих поколений, чем описание кровавых замашек русских царей и их приспешников. Святость ныне пребывает на ненаписанных страницах учебников русской истории.

Задача элиты нимбов отмаливать грехи элиты рогов, сводить их негатив к минимуму. Если бы у России не было бы «элиты нимбов», то у нее не было бы и ни какого исторического оправдания существования с «элитой рогов». Лишь «элита нимбов» является той апологетикой, которая придает смысл бытия этого национального духа. И что мы бы делали тогда?! Росси не было бы, однозначно.

Ученик преподобного Епифаний Премудрый доносит до нас смысл слов Сергия о том, что *«единением и любовью спасем»*. Смысл этой формулы раскрывается в дошедших до нас словах преподобного о том, что единомыслие — это значит согласие мыслей и, конечно, действий, подчиненных одной общей мысли, одной общей идее. По мнению патриарха Кирилла, преподобный Сергий предложил своему народу единомыслие, столь необходимое во время общественной смуты [4].

Принцип этого единомыслия был им взят у отца Церкви преподобного Викентия Леринского (ум. ок. 450 г.), говорившего: *«В главном – единство, во второстепенном – свобода, во всем – любовь»* [11]. Призыв Сергия – «Единением и любовью спасем» - стал сердцевиной того послания, которое преподобный обращал к своему народу, в то время разделенному. Призыв этот был обращен тогда к Святой Руси, ныне он обращен уже ко всему Русскому миру, а в глобальном плане и ко всему роду человеческому. Патриарх отмечал: «мы знаем, что так оно и произошло. И когда во второстепенном мы свободно определяем свой выбор, но в главном подчиняем себя той идее, которая объединяет всех, это и обеспечивает гармонию человеческой жизни и жизнеспособность общества» [4]. Из поколения в поколение береглась и берегалась историческая Русь и именно единомыслие стояло на страже нашего единства. В глубине русской национальной идеи, по мнению патриарха Кирилла, кроется единение и любовь, выраженные в категориях христианской мысли [4].

Единство, Свобода, Любовь – вот три основания по которому жил и трудился преподобный Сергий. Если единство понималось как главная догматическая собранность, то свобода (скорее всего) понималась им как свобода от греха, как освобождение от «цепей» и «крючков» суеты мира сего. По-настоящему можно быть свободным только в любви к Богу. Истинно свободным человек может быть только в Боге. Только вера в Бога дает человеку подлинную свободу. И святые русской земли самое яркое тому доказательство.

Куликовская эпопея. Эпизод с московским князем Дмитрием Ивановичем тоже заслуживает нашего особого внимания. В «Задонщине» ничего не известно о его встрече с преподобным Сергием накануне похода 1380 г. «Задонщина» самое ближайшее по времени создания произведение. Она писалась (как говорить) по горячим следам и вряд ли она могла упустить такие важные моменты. Да, брянские бояре братья Александр Пересвет и Ослябя в ней названы «черницами». Но нет и намек на то, что они участвовали в этом деле по поручению Сергия. Известие о Мамаевом нашествии застало московского князя и его бояр на пиру. Поэтому сборы были спешными и у Дмитрия Ивановича просто не было времени посещать Радонежскую пустынь [5].

История с брянскими братьями достоверно, но так ли мы понимаем эту историю? Считается, что во время битвы братья уже были монахами. Но по существу-

шему правилу, иноки должны молиться, а не брать в руки оружие. Битва – не их дело. Если они все-таки взяли в руки оружие, то они совершили тягчайший проступок. Автор «Задонщины» описывает их так, словно они были не православными, а католиками. Католики могли такое сделать, православные – никогда. Значит одно из двух: или автор «Задонщины» нам говорит неправду, или его правду мы неправильно сегодня понимаем.

Всё встает на свои места, если предположить, что великую схиму Пересвет принял не до, а уже после Куликовского поля, а возможно, что и на нем самом, перед своею смертью. Примечательно, что в «Задонщине» он фигурирует только под своим «родовым» именем (Пересвет), а уже после в народных преданиях и в их идеологических обработках становится Александром Пересветом. Признаем, – весьма слабая «ниточка доказательства», но за неимением большей, приходится довольствоваться и этим малым.

В пользу этого нашего предположения говорит тот факт, что герои были погребены не в Троицком Сергиевском монастыре, а в Москве и ныне покоятся в трапезной храма Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове «под спудом», т.е. точное местоположение захоронения не идентифицировано [5]. Если бы они были из Сергиева монастыря и он их лично посылал на брань, то по логике вещей героев должны были бы похоронить именно в этой обители. Но с нею они были связаны лишь легендой, а не реальностью. Следовательно, и вся эта история с их «командировкой» на Куликово поле по воле Преподобного не более чем поздний вымысел, преукрашательство патриотического мышления (мы видим, что здесь историческая истина борется с патриотической правдой).

Наш общий вывод – всю Куликовскую эпопею вокруг имени Сергия следует признать более поздней идеологизацией (т.е. приспособления к политической конъюнктуре) его образа. Он встречался и благословлял московского князя Дмитрия Ивановича, но скорее всего, не в тот раз. Вся эта история иллюстрация того, как политика может вмешиваться в дела святости, для поиска в ней своей идеологической поддержки. Официальная же (патриотическая) версия содержит подробности основанные на преданиях по своему характеру напоминающие «добрые измышления», т.е. фальсификацию.

* * *

Личность Сергия относится к той самой исторической Руси, которую все называют «Святой». Он сам есть воплощенная святость. Пример всему грешному миру каким он должен быть по воле и замыслу Божьему. Такая выдающаяся личность, по нашему мнению, не нуждается ни в каких «приукрашательствах». Сам Сергей был весьма простым человеком и не любил суеты вокруг своего имени. Подобные патриотические приписки к его биографии – это та самая медвежья услуга, которую он настойчиво пытался избегать. Но народу (а тем более властям) не запретишь фантазировать – полет народной фантазии в этом случае шел от души и преследовал благие намерения. Мы лишь высказали свои сомнения относительно того, стоит ли современной науке принимать эти объяснения в любви к святому в качестве научных доказательств правдивости этих историй. Сергей любил Истину и современная наука тоже должна обеспечить свободный доступ к истине, отсекая от нее все сомнительные, но очень красивые дописки. В этом он (преподобный) и она (наука) едины. Так не будем разрушать этого единства, настаивая на сохранение красивых заблуждений прошлых лет...

Список литературы

1. Аверьянов К. А. Сергей Радонежский. Личность и эпоха / К. А. Аверьянов. – Москва, 2006.
2. Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России / В. Б. Антонович. – Киев, 1885. – Т. 1.
3. Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность : монография / Г. К. Ашин. – Москва : Московского государственного института международных отношений, 2010. – 600 с.

4. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на праздновании 700-летия преподобного Сергия Радонежского в Сергиевом Посаде. – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/patriarch/2014-07-18/4913847.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Рус. яз.
5. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – Москва : Художественная литература, 1969. – С. 380–397, 747–750 (прим.).
6. Избранные жития русских святых (X–XV вв.). – Москва : Молодая гвардия, 1992. – 384 с.
7. Ключевский В. О. Древнерусские жития как исторический источник / В. О. Ключевский. – Москва, 2003.
8. Крупин В. Н. Сергей Радонежский. Душа России / В. Н. Крупин // Русский дом. – 2014. – № 7. – С. 28–31.
9. Очерки по истории русской святости / сост. Иоанн Кологривов. – Брюссель, 1961. – 417 с.
10. Пономарев В. Преподобный Сергей Радонежский / В. Пономарев. – Москва : Даниловский благовестник. Комсомольская правда, 2013. – 176 с.
11. Преподобный Викентий Лиринский О Священном Предании Церкви / преподобный Викентий Лиринский. – Санкт-Петербург : Свиток, 2000. – С. 14–112.
12. Розанов Н. П. История церкви Рождества Пресвятыя Богородицы на Старом Симонове в Москве. К её пятисотлетию (1370–1870) / Н. П. Розанов. – Москва, 1870.
13. Сергей Радонежский : сборник / сост. В. А. Десятников. – Москва : Патриот, 1991. – 539 с.
14. Zigmas Zinkevičius Krikščionybės ištakos Lietuvoje: Rytų krikščionybė vardyno duomenimis / Zinkevičius Zigmas. – Vilnius : Katalikų akademijos leidykla, 2005. – С. 76–77, 85–86.

References

1. Averyanov K. A. *Sergiy Radonezhskiy. Lichnost i epokha* [Sergius of Radonezh. Personality and Epoch], Moscow, 2006.
2. Antonovich V. B. *Monografii po istorii Zapadnoy i Yugo-Zapadnoy Rossii* [Monographs on the history of Western and South-Western Russia], Kiev, 1885, vol. 1.
3. Ashin G. K. *Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost* [Elitology: History, Theory, Modernity], Moscow, Moscow State Institute of International Relations Publ. House, 2010. 600 p.
4. *Vystuplenie Svyateyshego Patriarkha Kirilla na prazdnovanii 700-letiya prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo v Sergievom Posade* [Address by His Holiness Patriarch Kirill at the celebration of the 700th anniversary of St. Sergius in Sergiev Posad]. Available at: <http://www.sedmitza.ru/patriarch/2014-07-18/4913847.html>.
5. Dmitriev L. A., Likhachev D. S. (comp. and ed.) *Izbornik (Sbornik proizvedeniy literatury Drevney Rusi)* [Miscellany (Collected works of literature of ancient Rus)], Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1969, pp. 380–397, 747–750 (approx.).
6. *Izbrannye zhitiya russkikh svyatykh (X–XV vv.)* [Selected Lives of Russian Saints (X–XV centuries)], Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1992. 384 p.
7. Klyuchevskiy V. O. *Drevnerusskie zhitiya kak istoricheskiy istochnik* [Old Russian Lives as a historical source], Moscow, 2003.
8. Krupin V. N. *Sergiy Radonezhskiy. Dusha Rossii* [Sergius of Radonezh. Soul of Russia]. *Russkiy dom* [Russian House], 2014, no. 7, pp. 28–31.
9. Kologrivov Ioann (comp.) *Ocherki po istorii russkoy svyatosti* [Outline of the History of Russian sanctity], Bryussel, 1961. 417 p.
10. Ponomarev V. *Prepodobnyy Sergiy Radonezhskiy* [St. Sergius of Radonezh], Moscow, Danilovskiy blagovestnik, Komsomolskaya Pravda Publ., 2013. 176 p.
11. *Prepodobnyy Vikentiy Lirinskiy O Svyashchennom Predanii Tserkvi* [About Holy Tradition of the Church], Saint-Petersburg, Svitok Publ., 2000, pp. 14–112.
12. Rozanov N. P. *Istoriya tserkvi Rozhdestva Presvyatye Bogoroditsy na Starom Simonove v Moskve. K ee pyatisotletiyu (1370–1870)* [History of the Church of the Nativity of the Blessed Virgin Mary in the Old Simon in Moscow. To her quinqucentenary (1370–1870)], Moscow, 1870.
13. Desyatnikov V. A. (comp.) *Sergiy Radonezhskiy* [Sergius of Radonezh], Moscow, Patriot Publ., 1991. 539 p.
14. Zigmas Zinkevičius *Krikščionybės ištakos Lietuvoje: Rytų krikščionybė vardyno duomenimis*, Vilnius, Katalikų akademijos leidykla Publ., 2005, pp. 76–77, 85–86.